

З.И. Резанова

Томский государственный университет

**Языковая и дискурсивная картина мира –
аспекты соотношений**

Аннотация: В статье интерпретируются два подхода к анализу дискурсивных картин мира, системно-структурный и функциональный. В структуре дискурсивных картин мира выявляются дескриптивный, ценностный, деятельностный и семиотический аспекты. Деятельностный аспект дискурсивной картины мира рассматривается как детерминирующее соотношение семиотического, с одной стороны, и дескриптивного и оценочного, с другой. На этой основе характеризуются отношения взаимовлияния языковой и дискурсивной картин мира.

This article depicts two approaches to discourse picture of the world analysis, such as system-structural and functional. Descriptive, axiological, pragmatic and semiotics aspects are revealed in the structure of discourse picture of the world. Pragmatic aspect of discourse picture of the world is regarded as determining the correlation between semiotic and descriptive on the one hand and axiological aspects on the other. Reciprocal influence of language and discourse pictures of the world are characterized on given basis.

Ключевые слова: языковая картина мира, дискурсивная картина мира, миромоделирование, концептуальные метафоры.

Language picture of the world, discourse picture of the world, conceptual metaphors.

УДК: 81'373.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 34. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 534899. E-mail: resso@rambler.ru.

Прежде чем обратиться к основной теме статьи, представляется необходимым отметить следующее. В российском языкознании сложились две традиции исследования дискурсивных моделей мира как функциональных вариантов интегральных этноязыковых миромоделирующих систем. Лингвистические традиции, характеризуясь единством цели анализа, различаются определением теоретико-методологических решений, выбором конкретных процедур и методик изучения объекта. В этих вариациях методологических решений актуализируются взаимосвязанные и в то же время достаточно автономные идеи В. Гумбольдта о значимости принципов организации внутренней формы языка и о доминировании в диалектическом единстве двух сторон онтологии языка – *ergon* и *energeia* – «энергийного» начала.

Дискурсивная картина мира (ДКМ) в первом варианте исследовательских решений предстает как символическая система, воплощенная в совокупности готовых форм, соотношенная с этнической языковой картиной мира (ЯКМ), реализованная как ее социально и функционально детерминированный вариант. Основу дискурсивных картин мира составляют смысловые доминанты (ключевые концепты, категории), сформированные в данной этноязыковой культуре и отраженные в инвариантных языковых единицах. При этом внимание исследователя со-

средоточивается на аспектах варьирования этноязыковых инвариантов (прежде всего системы концептов) в социокультурных контекстах дискурсов. В работах концептологического направления анализируются два аспекта детерминаций варьирования ЯКМ: субкультурное влияние и функциональная обусловленность, действие которых может быть разнонаправленным и различным в разных дискурсах (отметим в ряду работ такой направленности недавно опубликованные монографические исследования [Крючкова, 2010; Колокольникова, 2011]).

В исследовательских практиках этого направления ДКМ описывается как система, лежащая вне человека и направляющая векторы его интерпретативной деятельности. Идея субъектной обусловленности этой картины мира является теоретической предпосылкой таких исследований, но не вводится в операционный, методический аппарат изучения ДКМ. В практике аналитических процедур не совершается переход от коллективного к конкретному «поступающему субъекту», по М. Бахтину¹. В центре внимания находится один компонент дискурсивной деятельности – код, система подъязыка, актуализирующая потенциал языка в соответствии с коммуникативными потребностями, репрезентирующая устойчивые когнитивные интерпретационные модели категоризации и концептуализации действительности.

В таком случае дискурсивная картина мира интерпретируется как часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами, и моделируется она с использованием того же набора методов, что и языковая картина мира. В настоящее время усилия российских лингвистов сосредоточены на выявлении прежде всего лексико-фразеологического своеобразия языковых подсистем, выводящих исследователей к выявлению содержательного варьирования концептосферы соответствующих дискурсов.

Другая исследовательская линия приводит к проблематике дискурсивных картин мира на пути анализа языка как деятельности и наиболее ярко она представлена в разных вариантах дискурс-анализа. Это линия интерпретаций активной роли говорящего субъекта, в речевой деятельности которого язык возрождается каждый раз заново, преобразуя смыслы в согласовании с типом деятельности, частью которой является дискурс. В дискурсе мы наблюдаем *ограничения «власти языка»*, образ которой был в наиболее яркой форме представлен в структурализме, создавшем модель языка, порождающего смыслы внутри себя, обосновавшем идею поглощения значения знака его значимостью, формируемой внутрисистемно.

Дискурсивный подход выявляет разрывы в стройной концепции структурализма не только в моментах выхода при анализе языка на уровень предложения и выше, но и при обращении к проблемам семантики вообще. Дискурсивный анализ показывает, что значение не поглощается, не задается значимостью внутри языковой системы, но формируется дискурсивно: «Семантика не является еще одним уровнем, аналогичным предыдущим... связь, которая существует между “значениями”, присущими данному тексту, и социально-историческими условиями возникновения этого текста, является не второстепенной, а составляющей сами эти значения» [Серио, 2002, с. 37–38]. Языковой код дискурса репрезентирует дискурсивную картину мира, которая является важнейшим параметром его характеристики, обеспечивающим тождество дискурса самому себе. В таком случае дискурс также может быть проинтерпретирован как система, порождающая значимости (подсистема языка, которая продуктивно может быть описана в терминологии структурализма). Но, на наш взгляд, в данном случае исследователь должен учитывать принципиальное отличие данной системы – эта система открытая;

---

¹ Влияние дискурсивных картин мира на речевую практику (хотя и в ином терминологическом оформлении) исследуется в [Шпильная, 2009; Малышева, 2011].

код дискурса не замкнут «в себе и для себя», но разомкнут в социальные практики. Вследствие этого мы предполагаем, что применение методологии структурного анализа является необходимым, но недостаточным этапом в анализе дискурсивных картин мира, который должен быть дополнен методами, направленными на выявление способов осуществления кода в деятельности субъектов коммуникации. Такая постановка проблемы выводит исследователя к речевой деятельности и минимальным динамическим моделирующим системам – *жанровым формам*; в центре дискурс-анализа находится *влияние интенциональности говорящего на выбор языковых форм*.

При таком подходе к исследованию, *дискурсивная картина мира* интерпретируется как динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, включенных в социальные практики, и репрезентированная в совокупности дискурсивно обусловленных вариантов языковых единиц. Существенно важно при этом отметить, что дискурс в социальных практиках формирует новые внутридискурсивные системы значимостей по отношению к языковым.

Совместив обе исследовательские линии, в содержательном плане дискурсивной картины мира выделяем дескриптивный, ценностный, деятельностный и семиотический аспекты.

Дескриптивный аспект дискурсивной картины мира формируется 1) тематическими доминантами, репрезентированными в системе лексических единиц, 2) интерпретационной направленностью соответствующих тем, способами ментально-языковой репрезентации одного денотативного / референтного пространства (в терминологии современной концептологии – системой базовых, ключевых концептов, их лексико-фразеологических репрезентантов, вариантов их смыслового варьирования). Мы выделяем в качестве варьирующихся аспектов: качественный (направленность ментальной интерпретации объектов, фактов, попадающих в сферу коммуникации) и количественный (глубина интерпретации объекта, факта).

Ценностный аспект ДКМ интерпретируется нами как существенная, в определенном смысле базовая часть языковой картины мира, реализующаяся в виде общего оценочного фона соответствующего дискурса. Своеобразие ценностного аспекта ДКМ определяется характером субъектных интенций: например, научная картина мира может быть охарактеризована как последовательно рациональная в противоположность медиадискурсу, обыденным дискурсам, для которых характерен сплав эмоциональной и рациональной оценочности. ДКМ противопоставляются и направленностью оценок, тем, что попадает в фокус интенсивной аксиологической деятельности, следствием чего тексты соответствующих дискурсов характеризуются преобладанием выражаемых частнооценочных значений: этических, эстетических, утилитарных, сенсорных и др.

Деятельностный аспект ДКМ – это моменты соотношения дескриптивных и оценочных смыслов с социальными практиками в процессах непосредственной коммуникации, это выбор коммуникативных стратегий в презентации интенций говорящего, способов достижения перлокутивных эффектов, это выбор тактик для достижения соответствующих коммуникативных стратегий, в конечном итоге – это выбор жанровых форм и их вариантов, природа которых диалогична, являет собой модель коммуникативного *взаимодействия*. Жанровая специфичность – одна из наиболее характерологических черт дискурсов.

В деятельностном аспекте ДКМ может быть проинтерпретирована как смысловое пространство коммуникативного взаимодействия говорящих и слушающих, которое осуществляется в условиях асимметрии их интересов, уравновешиваемой тем или иным способом в динамике речевых актов. Учет особых когнитивных установок *адресатов* может приводить к сдвигу формируемой картины мира в структуре соответствующего дискурса, обособлению особого субдискурса, маркером определенности которого и будет своеобразие формируемой картины мира (ср., например значительное варьирование политического дискурса как отражение ориентации адресантов-политиков на различные типы адресатов – электората).

Семиотический аспект ДКМ. Обращение к деятельностному аспекту ДКМ приводит исследователя к осознанию значимости еще одного ее аспекта – способов семиотического воплощения дескриптивных и оценочных смыслов, стратегий и тактик. Содержательный план дискурсивной картины мира находится в отношениях взаимной детерминации с системой знаковых средств ее репрезентации, в состав которых входит в первую очередь семиотический ресурс естественного языка.

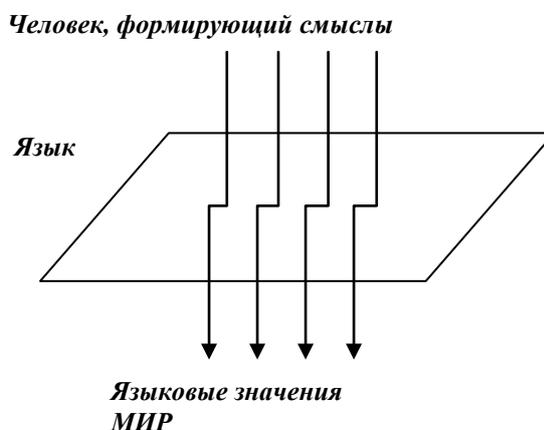
Если определять соотношение трех аспектов ДКМ, то следует отметить, что *во вне* ДКМ явлена через своеобразие языкового кода, репрезентирующего набор концептов, состав и своеобразие которых определяется ценностными установками субъектов дискурсов, которые, в свою очередь, формируются в среде коммуникативных практик. Исследователь в постижении своеобразия дискурсивных картин мира идет в этом направлении – от внешних к внутренним факторам: субъязыковой код → концептосфера → ценность → деятельность (социальные и дискурсивные практики). В онтологии дискурсов взаимно и последовательно детерминирующее отношение аспектов развернуто от деятельности → к ценности → к концептосфере → к субъязыковому коду.

И при структурном, и при деятельностном подходах к разрешению проблемы, тип соотношения ДКМ и ЯКМ определяется прежде всего на уровне кода.

Компоненты кода соответствующей *этноязыковой картины мира формируют своеобразный каркас ДКМ*, который составляют прежде всего облигаторные грамматические категории, «заставляющие» членить мир в соответствии с категориальным аппаратом грамматики данного языка, а также инварианты семантических моделей развития полисемии и деривационных моделей морфологического словообразования, синтаксического развертывания речи, осознаваемых как экспрессивно нейтральные или, напротив, маркирующие типовые модели модальных рамок диктумных содержаний, ключевые концепты культуры, репрезентированные в рядах лексических единиц.

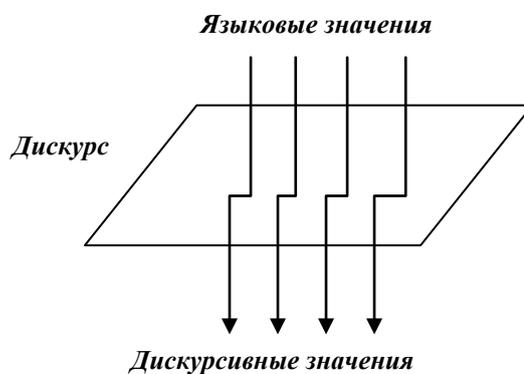
Размышляя о власти языка над человеком, Г. Лейбниц создал метафору языка – среды, «через которую проходят лучи видимых предметов и которая нередко окутывает туманом наши глаза» [Лейбниц, 2002, с. 111]. Соотношение кодов ЯКМ и ДКМ в *визуальной метафоре* может быть проинтерпретировано как соотношение *горизонтالي* этноязыковой картины мира и пронизывающих ее *вертикальных* вариантов дискурсов, *смещение* которых относительно горизонтали ЯКМ определяется интенциональностью коммуникантов, формируемой в среде социальной деятельности. Графически эту метафору мы можем представить следующим образом.

Рис. 1. Язык, «смещающий смыслы действительности»

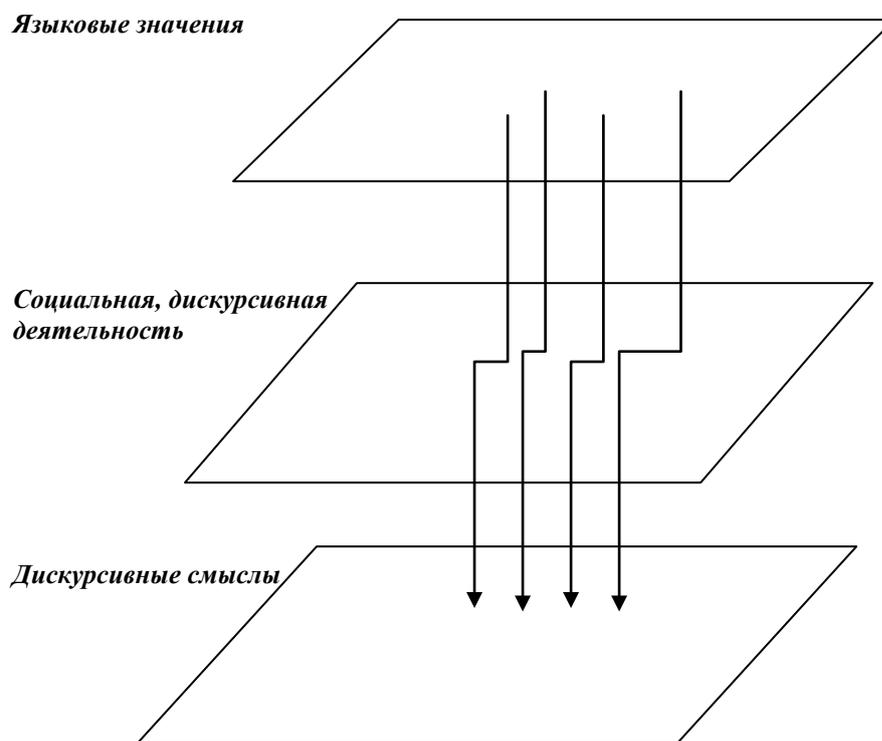
Отталкиваясь от этой метафоры, проинтерпретируем «власть дискурса» по отношению к языковому коду: социально детерминированные интересы коммуникантов, формирующиеся в социальной деятельности, являются той средой, «через которую проходят лучи языковых значений», и которая смещает их «прямизну» в сторону данных интересов.

Рис. 2. Дискурс, «смещающий смыслы языка»

Мир и язык в дискурсивных практиках предстают как потенциальные системы, источник и результат порождения типовых значений, и вместе с тем они же выступают как предпосылка формирования дискурсивных смыслов. Мир и язык «встречаются» в процессах социальной деятельности, выступающей в качестве своеобразного «плавильного котла» – синтезатора дискурсивных смыслов. Тип дискурсивной деятельности формируется как ответ на целеполагание, основа которого, в свою очередь, формирует ценность («Значение (З) есть отношение между организмом (О) и его физической и культурной средой (С), определяемой ценностью (Ц) С для О») [Златев, 2006, с. 311].

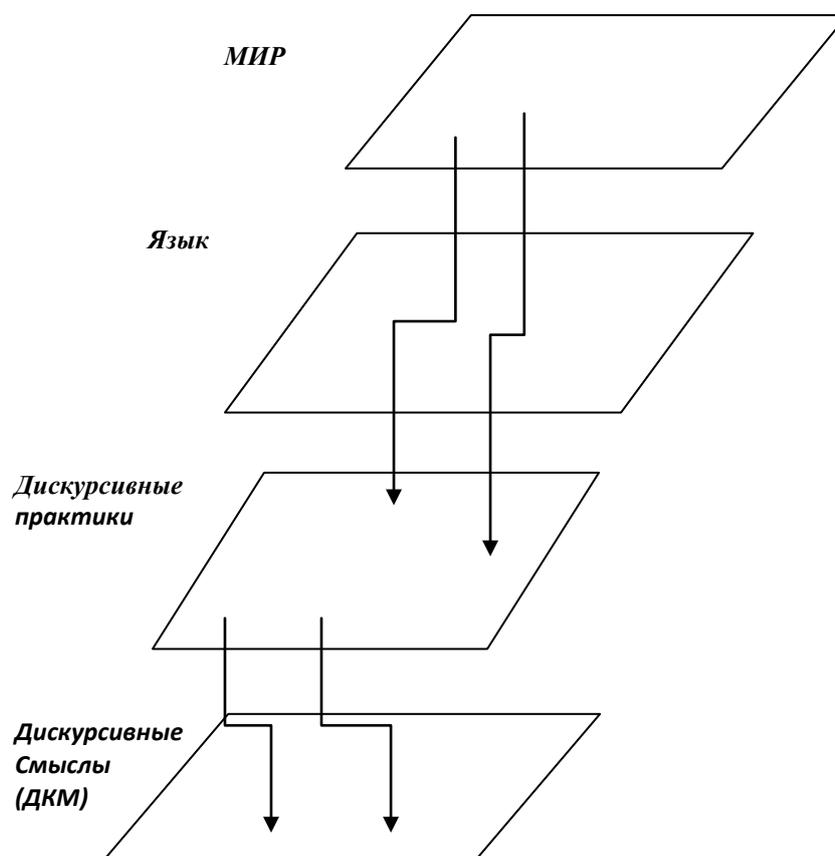
Рис. 3. Дискурсивная деятельность как среда «встречи» действительности и языка, как среда преломления и формирования смыслов в соответствии с ценностью

В данном случае мы актуализировали момент вариативности дискурсивных картин мира по отношению этнической ЯКМ. Типы интенций, социальных, деятельностных интересов коммуникантов в том или ином варианте социальной практики вступают во взаимодействие с инвариантными моментами этнокультурных моделей мировосприятия, типов коммуникативного поведения, принятых в данной лингвокультуре, приводя к их видоизменению.

Изменение ракурса рассмотрения их взаимоотношений – «от дискурса к языкам», выявляет аспекты влияния на дискурсивные практики этноязыковых кодов, культур.

Рис. 4. Язык и дискурсивные практики в процессах формирования ДКМ

В результате формирующиеся дискурсивные картины мира обнаруживают зависимость как от этноязыковых факторов, так и от социально-дискурсивных. Так, например, интенции научного дискурса обуславливают формирование неких инвариантных моделей научной картины мира, которые межнациональны. Картины мира, выстраиваемые в научных дискурсах, имеют значительную степень инвариантности, что позволило говорить о существовании особых картин мира – физической, химической и т.д., – нелинейно соотносённых с ЯКМ (см. об этом: [Постовалова, 1988, с. 14]). Однако мы полагаем, что постулат о принципиальной наднациональности науки, как следствие, научных дискурсов, – это один из мифов науки, миф, который активно рефлексивируется в современном науковедении. В настоящее время все более утверждается мысль о субъектной и этнокультурной обусловленности научной деятельности и презентации ее результатов в соответствующих текстах. Научная деятельность осуществляется субъектом, принадлежащим культуре, и эта принадлежность маркируется прежде всего языком. Возможно, степень влияния «стилей научного мышления», формирующихся в соответствующих этноязыковых культурах, различна в сфере гуманитарного и негуманитарного знания. При оценке роли языка в гуманитарных научных дискурсах сошлемся на позицию М. Хайдеггера, который в своем широко известном философском диалоге практически «растворяет» проблемы философии в языковых смыслах и их интерпретации [Хайдеггер, 1993. с. 273–302].

Приведем также мнение Л.Г. Зубковой, выдвинувшей предположение, что вклад частного языкознания в общую лингвистику связан со спецификой данного языкового мышления, с самим характером языка. Характеризуя своеобразие русского стиля научного мышления, отличающего его от других стилей научной мысли, в частности от английского (русская лингвистическая мысль ориентирована не на «дробно аналитическую», аспектирующую, а на синтетическую модель познания языка в его полном развитии), истоки такого типа рационализации Л.Г. Зубкова видит в характере грамматического строя русского языка. К таким этноязыковым особенностям и вместе с тем детерминантам научного мышления исследователь относит последовательно проведенную грамматическую категоризацию, развитый гипотаксис, богатые сочетательные возможности субъективной и объективной модальности; высокую степень членораздельности: четкое разграничение всех значащих единиц; прочность связей внутренней и внешней формы языка; мотивированность знаков [Зубкова, 2004, с. 141–148].

И уж если такие наблюдения касаются научного дискурса, в целеполагании которого «установление истины» выдвигается на первый план, а ролевая позиция субъекта определяется как позиция исследователя и фиксатора объективного положения вещей, то в других дискурсах с их подчеркнутой интерпретирующей и оценивающей ролью коммуникантов призма этноязыкового видения могут проявляться с большей степенью. В данном случае мы говорим о политическом, рекламном и обширном поле медиадискурсов, этнокультурное своеобразие которых в настоящее время находится поле активных рефлексий российского языкознания [Добросклонская, 2005, с. 185–189].

Соотношение национальной языковой и дискурсивной картины мира видится разнонаправленным. Целеполагание коммуникации, социально и культурно мотивированные интенции коммуникантов обуславливают *и редукцию, и расширение* языковой возможности, в том числе моделирующей возможности ЯКМ.

На уровне концептосферы соответствующий дискурс выступает прежде всего как ограничитель возможностей языковой системы, результат отбора необходимой конфигурации концептов из концептосферы соответствующего этнического языка; дискурсы в соответствии с интенциональностью актуализируют отдельные компоненты концептов [Слышкин, 2005, с. 34–50; Эмер, 2007, с. 110–151; Крючкова, 2009].

Концепты живут, развиваются в дискурсах, междискурсивные «дрейфы» обуславливают частичную мену их содержания. Однако функции дискурса по отношению к концепту не только модифицирующая, но и порождающая. В пределах дискурса может происходить своеобразное выдвижение сформированного в культуре и репрезентированного в языковых единицах смысла. Дискурсивное выдвижение концепта обуславливается его особой актуальностью в интенциональном поле дискурса, что приводит к его насыщению дополнительными смыслами в особых условиях внутрдискурсивного функционирования [Орлова, 2010, с. 79–84]. Свидетельством дискурсивного выдвижения концепта являются количественные и качественные показатели: частотность его текстовой актуализации, значимость относительно других смысловых сфер концепта. Таким образом, дискурс функционально выступает как «расширитель» палитры ЯКМ.

Типовые модели соотношения языковой и дискурсивной картины мира реализуются и на других уровнях смыслообразования, что может быть прослежено на примере метафорического моделирования. Концептуальная метафора является важнейшим способом когнитивного моделирования действительности, способом непрямого отражения мира в сознании, репрезентированным в языке в системах образных номинаций. Анализ метафорических интерпретаций ключевых концептов культуры выводит исследователей на формулирование понятия «метафорическая модель», под которой понимается схема формирования метафорического значения, характеризующаяся единством тематической отнесенности номинатив-

ных и переносных метафорических значений, типа ассоциативного уподобления, являющаяся языковой репрезентацией типового соотношения соответствующих понятийных сфер. Базовой языковой метафорой называют метафорическую модель, объединяющую широкий спектр семантических соотношений, задаваемых структурой мотивирующего фрейма и реализующихся в системе метафорических единиц. Совокупность базовых метафорических моделей формирует каркас образного фрагмента этноязыковой картины мира. К таким базовым когнитивно-языковым моделям относится и метафорические модели «жизнь – это игра», «жизнь – это книга», «жизнь – это дорога» и др.

Базовые концептуальные модели, функционально трансформируясь в соответствии с ценностными интенциями дискурсов, играют роль *ключевых дискурсивных моделей*, сокращая или расширяя возможности концептуальных метафор. С одной стороны, ключевые текстовые и дискурсивные метафоры являются вариантом реализации базовой языковой метафорической модели, воплощая часть ее образного потенциала в конкретных лексических репрезентациях. В то же время глубинная сложность организации, отсылка через любой компонент ко всему ассоциативному полю базовой метафоры позволяет дискурсивной метафоре выполнять функции структурирования смыслов дискурса [Чудинов, 2005, с. 115–156; Резанова, 2002, с. 74–83]. Таким образом, анализ дискурсивной реализации базовых концептуальных моделей в составе различных типов дискурсов, с одной стороны, позволяет вскрыть значительность, неоднородность потенциала соответствующих моделей, с другой стороны, семантический анализ конкретных реализаций базовой модели в составе дискурса позволяет вскрыть сущностные смысловые доминанты, его (дискурс) формирующие. Так, например, исследование когнитивных стратегий развертывания научного дискурса показало, что его моделирование как особого ментального, виртуального пространства было бы невозможно без метафорической концептуализации [Резанова, 2007, с. 18–29; Мишанкина, 2010]. Научный дискурс отбирает ряд общеязыковых моделей и «специализирует» их для передачи дискурсивно значимых смыслов, трансформируя базовые языковые метафорические модели в ключевые модели научного дискурса.

Диалектика этноязыкового и дискурсивного в картинах мира проявляется и в ее деятельностном аспекте, так как существенной частью динамических моделей мира составляют сценарии коммуникативного поведения. Дискурсивная картина мира в деятельностном аспекте выражается в динамических моделях жанровых форм, которые обусловлены как этнолингвистически, так и ценностями и потребностями дискурсов, формирующимися в пределах социальных практик. Дискурсивные сценарии детерминируются принятыми нормами, общими для той или иной этнокультурной общности и отражаются в модели речевых жанров, являющихся типовыми и в то же время динамическими образованиями, о чем пишет А. Вежбицкая: «Наверняка не случайно что польский язык лексически выделяет такие разновидности речи, как “анекдот” (“kawal”) (отличающийся семантически от “шутки” (“Zart”)), “заявление” “podanie”, “донос” «donos» или «доклад» “referat”, которые не имеют точных соответствий в английском языке; также наверняка не случайно, что английский язык лексически выделяет такие разновидности речи, как “talk”... “interview”... или “note”... у которых нет точных соответствий в польском языке» [Вежбицкая, 2007, с. 79–80].

Вместе с тем, продолжая рассуждения А. Вежбицкой, следует говорить, о том, что «лексически выделенные» польским языком такие разновидности речи, как «анекдот» («kawal), «заявление» «podanie», «донос» «donos» или «доклад» «referat» в структуре коммуникации маркируют одни дискурсы польской речи, и не используются в других. Как отмечалось, жанровая палитра является одной из важнейших характерологических черт дискурса. Так, например, Ю.А. Эмер интерпретирует фольклорные жанровые формы как особые способы структурирова-

ния и аспектации фольклорной картины мира, обусловленные эстетическими установками [Эмер, 2007, с. 110–121].

В заключение отметим еще один важнейший, на наш взгляд, параметр характеристики дискурсивной картины мира, выводящий ее за пределы сравнения с ЯКМ. ДКМ формируется адресантом, но с учетом когнитивной направленности адресатов. Коммуникативные неудачи могут быть основаны на разрыве картин мира участников коммуникации. При этом каждый из четырех аспектов ДКМ функционально может выйти на первый план, обрести особую значимость в обеспечении успешности коммуникации. Коммуникация успешна, если адресант и адресат принимают позицию:

1) то, о чем мы говорим, таково, каким оно предстает в речевых произведениях данного типа коммуникативной деятельности;

2) то, о чем мы говорим, должно быть оцениваемо в таких аспектах, и оцениваться таким образом;

3) о том, о чем мы говорим, следует говорить в таких жанровых формах и избирая такие стратегии и тактики;

4) при отражении данного фрагмента мира в данном типе коммуникации наиболее эффективно использовать такие единицы таких кодов.

Литература

Вежицкая А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. Москва, 2007. С. 79–80.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005. С. 185–189.

Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Studia Linguistica Cognitiva*. М., 2006. Вып. 1: Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. С. 308–361.

Зубкова Л.Г. Истоки и специфика лингвистического мышления (к обоснованию самобытности русской лингвистической традиции) // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: В 2 т. Бийск, 2004. Т. 1. С. 141–148.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Колокольникова М.Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011.

Крючкова Н.В. Концепт–Референция–Коммуникация. Саратов, 2009.

Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. Книга третья. О словах // История языкознания (Донаучный период): Очерки и извлечения / Сост. З.И. Резанова. Томск, 2002. С. 95–117.

Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск, 2011.

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010.

Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та*. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8–69.

Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология*. 2007. №1. С. 18–29.

Резанова З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // *Изв. Томск. политехн. ун-та*. Томск, 2002. Т. 305. Вып. 4: Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. С. 74–83.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализ дискурса. М., 2002. С. 37–38.

Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 34–50.

Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 273–302.

Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М., 1997.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2005.

Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений по картине В.А. Серова «Девочка с персиками»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010.

Эммер Ю.А. Фольклорный текст: пространственная организация жанра // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск. 2007. С. 110–151.